

В. Ардов. – «Туземцы». Юмористические рассказы. Издание «Никитинские субботники». М. 1931 г. Стр. 206. Цена 1 руб. 60 коп.

Иронизируя над «плохими романами», где про героиню принято выражаться, что в ней «просыпается женщина» (76 стр.), а также над комическими фильмами, где полисмена ударяют «столом по голове» (69), автор рецензируемого сборника, очевидно считает самого себя тонким мастером своего жанра, а между тем юмор его недалеко ушел от того, который действительно культивируется в иных комических фильмах заграничного производства.

В самом деле некто Продрыгин явился на бал-маскарад в одних трусах и «с тремя связанными между собой многопудовыми гирями» на согнутой спине, символизируя своей фигурой «угнетенный пролетариат Запада». За свой оригинальный костюм он претендует на получение первого приза – будильника, но будильник достается не ему, а жене начальника уездной милиции Таисии Ивановне, и тогда происходит скандал: «Мадам Продрыгина подошла к Таисии Ивановне и два раза смачно плюнула ей в лицо... а сам Продрыгин, сокрушив три кулисы, растолкав и изувечив человек пятнадцать приватной пубрики, ударами гири выламывал дверь женской уборной, в которой спряталось жюри» («Первый приз»).

Или, один грубый гражданин попробовал однажды в вагоне разыграть роль джентльмена, но так как она у него не вышла, то он, рассердившись, вернулся к обычной своей невежливости: «Наутро, покидая вагон, он хладнокровно забодал своей корзиной девушку с клетчатым саквояжем. Девушку пришлось отправить в приемный покой» («Припадок вежливости»).

Мы даже склонны думать, что на обложке сборника, где на архитектурном фоне Москвы зарисована обывательская семейка, окруженная всевозможными атрибутами бытового мещанства и стилизованная под дикарей (это и есть «туземцы»: у супруги в носу продето кольцо, а у супруга – какая-то канцелярская принадлежность), изображены не только объекты сатиры В. Ардова, но вместе с тем и его читатели, ибо подобного рода лошадиная юмористика может найти

своих потребителей только в подобной среде, которую таким образом наш автор не столько изобличает, сколько, пожалуй, просто обслуживает.

И напрасно автор заверяет в предисловии, что в его книге, посвященной «описанию людей, интересов и событий, существующих вопреки строительству», все же имеется налицо «мощный фон» этого строительства, якобы «усиливающий несуразность» его персонажей. Никакого такого фона в книге нет, и если в ней произвести некоторые замены в названиях учреждений (например, вместо нарсуда – мировой суд) да проставить везде господ вместо граждане или товарищи, то добрая половина помещенных в сборнике рассказов могла бы появиться и до революции, до такой степени дореволюционна или точнее внереволюционна их сугубо мещанская сюжетка. Ссоры хозяек у плиты, культ комнатных собачек, неудача «Факира», не сумевшего разгипнотизировать загипнотизированного им субъекта из публики, потому что сей последний оказался мертвецки пьяным, и т. п. не хватает почему-то только «дачного мужа» и сварливой тещи – этих классических том старой ремесленной юмористики.

Некоторые сюжеты вызывают в памяти юморески раннего Чехова, но какая разница в обработке, какой упадок культуры смеха, какой регресс!

Прием, с помощью которого В. Ардов старается смешить читателя, это обезображивание речи своих персонажей, – любимый прием юмористов-халтурщиков, анахронистически переносящий в советскую Москву диалект Ивана Горбунова. На страницах сборника то и дело мелькают *изделать, тикет, евонный* и т. п., а один деревенский парень молочник из--под Москвы, вынужденный по ходу рассказа многократно рассказывать о случившемся на его глазах столкновении домохозяек, с чисто лингвистической изощренностью выбирает всякий раз новый глагол: *шмякнула, хлобыстнула, дербалызнула, тюкнула, дербанула, чокнула, вжикнула*. Исчерпав весь этот живописный запас и не желая все же повторяться, он сочиняет новые: *жахнула, дюзнула* и др... («Свидетель»).

Если все это и смешно, то разве для тех, кому из всех междометий смеха привычнее всего утробное и полуидиотское *гы-ы*. Во вкусе именно *такого* смеха сделана вся книжка. Впрочем, иногда в нее вплетается и ехидно-обывательское

хи-хи. Мы разумеет здесь такие экивоки по адресу современности, как упомянутый выше непристойный эпизод с «угнетенным пролетариатом Запада». Сюда же относится дешевая пародия на стенгазету «Семейная стенгазета».

Книга написана не о мещанах, как уверяет в этом автор, а для мещан, и нет ничего возмутительнее, как трата драгоценной бумаги на такую, с позволения сказать, литературу.

Н. Прянишников